

Мысли вернулись в реальность, и на мгновение Сюй Цзиньчао охватило чувство опустошения. Он нахмурился: ему не нравилось это ощущение.

— Входите.

Сюй Цзиньчао посмотрел на дверь. В палату вошли две женщины.

Одну из них он сразу узнал — это была третья мисс семьи Е, Е Чанцин. Сюй Цзиньчао запомнил её лицо по фотографиям в сети, как, впрочем, и других членов семьи Е и тех людей, чьи данные удалось найти. Он делал это, чтобы не выдать себя при встрече.

Второй женщиной оказалась та, при взгляде на которую в голове Сюй Цзиньчао возникло лишь одно слово: элегантность. Конечно, в его глазах ни одна женщина не могла сравниться с его невестой Сяо Кэ, но он был вынужден признать красоту гостьи. Облачённая в белое платье, она напоминала белого лебедя. А лебедь, обладая грациозной длинной шеей, неизбежно смотрит на всех свысока.

Сейчас этот белый лебедь смотрел на Сюй Цзиньчао именно так.

На её изящном лице не дрогнул ни единый мускул, однако Сюй Цзиньчао отчётливо увидел в её взгляде презрение и отвращение. Он был уверен, что это ему не показалось.

Пришли явно не с добрыми намерениями. Сюй Цзиньчао внутренне насторожился.

Е Чанцин, едва войдя, тут же начала ворчать:

— Открыл дверь так медленно, просто ни на что не годен!

Сюй Цзиньчао лишь мельком взглянул на неё и проигнорировал. Согласно дневнику, чем больше обращаешь на неё внимания, тем сильнее она кичится своим пренебрежением.

Увидев такую реакцию, третья мисс Е почувствовала, что её достоинство задето, и недовольно воскликнула:

— Сюй Цзиньчао, что за тон? Мы с сестрой Моци пришли навестить тебя, а ты даже не ценишь этого! Так тебе и надо, что чуть не погиб — сам виноват!

Сестра Моци? Сюй Цзиньчао всё понял. Значит, эта женщина — та самая возлюбленная Е Чанкуна, подруга детства из семьи Ван, Ван Моци. Неудивительно, что она смотрит на него как на жабу, мечтающую о лебедь. В глазах наследницы одного из четырёх великих семейств он действительно был не лучше жабы.

— Я очень благодарен мисс Ван за визит, — вежливо произнёс Сюй Цзиньчао.

— А как же я? А я? Почему ты не благодарен мне? — Е Чанцин снова подняла шум, протестуя против того, что её проигнорировали.

От её криков у Сюй Цзиньчао разболелась голова. Он с трудом понимал, как шестнадцатилетняя девчонка могла стать близкой подругой Ван Моци. Вздохнув, он поправился:

— Я очень благодарен и мисс Ван, и мисс Е за то, что навестили меня.

Е Чанцин удовлетворённо хмыкнула в ответ, сохраняя при этом холодный и надменный вид. Ей было приятно слышать обращение мисс Е, особенно в сочетании с тем, как он называл Ван Моци. Ван Моци всегда была для неё эталоном: успешная, зрелая, женственная — только такая женщина достойна её старшего брата. Юные девушки всегда стремятся казаться взрослее, и Е Чанцин подсознательно хотела стать такой, как Ван Моци.

Ван Моци спокойно произнесла:

— Чанкун так долго держал тебя взаперти, я извиняюсь перед тобой от его имени. В конце концов, он сделал это ради меня. Но тебе стоит быть осторожнее, в следующий раз всё может закончиться куда хуже.

Выслушав её, Сюй Цзиньчао понял, что эта женщина не только красива, но и обладает глубоким, расчётливым умом. Каждое её слово было либо хвастовством, либо угрозой. Хотя он не знал всех деталей прошлого, общий смысл был ясен.

Во-первых, она назвала его Чанкуном, чтобы подчеркнуть их близость. Фраза про долгое заточение звучала как приговор, заставляя Сюй Цзиньчао чувствовать себя преступником, совершившим нечто ужасное. Извинения от её лица были демонстрацией её статуса: я могу извиниться за него, а ты не удостоишься даже его слов. Фраза он сделал это ради меня была неприкрытым бахвальством: даже если ты его номинальный партнёр, что толку? Ради меня он готов оставить тебя в беде, даже когда ты при смерти. А последняя фраза была прямой угрозой. Сюй Цзиньчао не знал, о чём именно стоит беспокоиться, но понимал: если случится нечто подобное, одними синяками и парой дней в заточении он не отделается.

Были ли в её словах другие подтексты, Сюй Цзиньчао не знал. Его мозг — не компьютер, и уж точно не световой мозг.

Е Чанцин, не уловив сути, схватила Ван Моци за руку:

— Сестра Моци, он сам виноват! Пытался столкнуть тебя с лестницы, но не знал, что ты владеешь боевыми искусствами, и в итоге сам упал! Ха-ха, такой глупый и злой!

Своими словами Е Чанцин хотела лишь унижить его, но Сюй Цзиньчао наконец сложил картину произошедшего.

Разумеется, он не верил в эту версию. За последние дни от скуки он перечитал дневник от

корки до корки. Дневник — это самое честное отражение мыслей человека, и он довольно хорошо изучил прежнего Сюй Цзиньчао: тот был не только добрым и принципиальным, но и умным. Даже если предположить, что он был чем-то недоволен в Ван Моци, он никогда не прибег бы к столь детским методам. Да и не стал бы действовать, не имея уверенности в успехе. И уж точно не довёл бы дело до того, чтобы пострадать самому! К тому же, разве падение с лестницы должно приводить к смерти?

Смерть прежнего владельца тела определённо была заговором, связанным с делами сердечными. Ван Моци была опасным противником. Всё происходящее явно указывало на неё. Она была уверена, что семья Е, с их отношением к Сюй Цзиньчао, никогда не поверит его словам, и даже если в этой подставе были огромные дыры, никто из них не стал бы в них вникать.

Что касается Е Чанкуна, то он был человеком прямым, но весь его пыл уходил на службу, а эмоциональный интеллект, судя по всему, был равен нулю.

<http://bllate.org/book/18944/1856851>